

РУССКИЙ РОМАН БЕРТОЛЬТА БРЕХТА

К 100-летию великого драматурга в России вышла единственная книга

Николай Александров

Юрий Окланский. Гарем Бертольта Брехта. — М.: Совершенно секретно, 1997, 352 с.

ДЕШЕВЫЙ вид, среднего качества бумага, аляповатая твердая обложка с изображением обнаженной женской фигуры, выдержанным в желто-коричневой гамме, прямо скажем, настраивают на легкий, флиртовый лад, вполне соответствующий названию. И первые страницы вроде бы подтверждают ожидание: Брехт и женщины, Брехт среди женщин, гениальный драматург и конгениальный покоритель прекрасного пола. Повествование в жанре разговора, веселой беседы: «Актрису Каролу

Неер Брехт звал Женщина-Персик. Она была нежная, смутная, с горячими черными глазами, капризными алыми губками и почти неприметным пушком на щеках»; «В Берлине пребывала его давняя любовная симпатия Дора Манхейм, с которой взаимно легкие, порхающие отношения поддерживались уже четыре года». В столь же «порхающем» стиле автор продолжает знакомить читателя с «гаремом Бертольта Брехта», включая и его эпизодические гомосексуальные увлечения. Калейдоскоп имен действительно впечатляющий — Марианна Цофф, Елена Вайгель, Ася Лацис, Элизабет Гауптман. Творчество на фоне амурных приключений и наоборот — борьба Брехта за женщин и женщин за Брехта,

К 100-летию Бертольта Брехта, отмечавшемуся во вторник на этой неделе, в мире готовились задолго. Юбилей этот значим: имя Брехта не утратило ни актуальности для искусства, ни способности волновать читательские массы. Естественно, что издательства старались отработать дату. Крупнейшее германское издательство «Зуркамп» завершает тридцатитомное Полное собрание сочинений, выпускает каталог личной библиотеки Брехта (кстати, она сейчас стала главным содержанием юбилейной выставки в Берлинской академии искусств), посвященный драматургу том престижной серии «Спектакулум», его переписку с «официальной вдовой» Хелен Вайгель и еще несколько книг. Собрание сочинений в английском переводе, выпускаемое лондонским «Метуэн», пополнилось несколькими томами. Компания BMG совместно с UFA выпустила сборник работ Брехта на 20 компакт-дисках с буклетом, представляющим собой самостоятельную книжную ценность. В записях представлены как отдельные поэтические тексты и зонги, исполняемые самим автором и актерами «Берлинер ансамбль», так и целые театральные постановки.

В России к юбилею поспела одна книга.

любовный нон-стоп, оборванный смертью драматурга, с эпилогом, достойным финала «Трехгрошовой оперы», «когда в сцене предстоящего повешения Мэкки-Ножа в первом ряду зевая неподалеку от виселицы в траурных нарядах стоят две его будущие вдовы, успевшие стать подружками». «В жизни, — продолжает Окланский, — ситуация была еще и похлеще. На следующий день после похорон самого драматурга в кабинете главного интенданта театра «Берлинер ансамбль» Елены Вайгель на «военный совет» собрались даже не две, а пять вдов усопшего...».

Единственно, что удивляет и настораживает при чтении этой аполлогии «пророка сексуальной революции», — обозначение жанра — «роман-расследование». Роман — понятно, — стиль далек от академического изложения. Пикантные эпизоды перемежаются воспоминаниями автора о встречах с очевидцами, людьми, помнившими Брехта. Этакая вольная журналистская проза, отнюдь не претендующая на научность, серьезность, на индекс литературоведческого цитирования. А вот «расследование» — понятно не очень. Однако по прочтении 70 страниц сомнения рассеиваются. Появляется, наконец, истинная завязка, о которой человек, не впервые слышавший имя Брехта, вполне может догадаться заранее.

В 1994 году в издательствах Нью-Йорка, Лондона и Парижа вышла книга Джона Фуэги «Жизнь и ложь Бертольта Брехта», где утверждалось, что знаменитый драматург безжалостно эксплуатировал «наложниц» своего гарема, заимствовал их творческие идеи, и по сути дела пьесы Брехта написаны Элизабет Гауптман, Рут Берлау и Маргарет Штеффин. Если не основан, то повод для подобной кон-

цепции действительно существовал. И Гауптман, и Берлау, и Штеффин были соавторами Брехта, он сам в продиктованном, но не заверенном у нотариуса завещании уступал их наследникам (кроме наследников Маргарет Штеффин) часть авторских прав от нескольких пьес. Тем не менее в «Жизни и лжи Бертольта Брехта» гораздо больше подтасовок и лжи самого Джона Фуэги. Полемика с издателем скандальной книги для Юрия Окланского не является самоцелью, он ограничивается лишь ссылками на других «брехтоведов» и приводит впечатления от личного знакомства с Джоном Фуэги. Но именно с этого момента и начинается «раскручиваться основная интрига романа. Главный герой Окланского — Маргарет (Грета) Штеффин, талантливая самоучка, соратник и соавтор Брехта, пропагандистка его творчества в Советском Союзе, которую он в шутку называл «русской возлюбленной». В Советском Союзе Грета и скончалась от туберкулеза в 1941 году.

Юрий Окланский не слишком интересуется выяснением степени творческого участия Греты Штеффин в создании пьес Брехта. Его в гораздо большей степени волнует история их взаимоотношений, история любви. Он подробно рассказывает о слониках из дерева и слоновой кости, которых дарил Брехт бедной Грете, «целое стадо слоников», «счет долгим разлукам» вплоть до последней: «... в прошальное посещение лечебницы «Высокие горы» 30 мая 1941 года, за несколько часов до отъезда во Владивосток, Брехт оставил М. Штеффин подобный же талисман, стража-слоника...», о том, как Грета хотела получить от Брехта другой талисман — обручальное кольцо. Он

приводит письма Брехта «русской возлюбленной», посвященные ей стихотворения и попутно рассказывает о русском архиве М. Штеффин, который ему удалось обнаружить. «Русский текст», точнее говоря, «русский контекст» творчества Брехта, вырастающий из «расследования» судьбы Греты, и история самого этого «расследования» составляют основную часть книги. Не удивительно, что и тон повествования постепенно меняется: из флиртового становится сентиментальным, трогательным. Ирония и брехтовское «отстранение» преодолеваются, и на первый план выступает «хорошее отношение» к Маргарет Штеффин, а следовательно, и к ее любви. Чистота жанра выигрывает, то есть «роман» — таки побеждает, или по крайней мере счастливо соперничает с «расследованием», а уж «гарем» затмевает точно.